

УДК 821.161.1.09"19"

С. С. Лобинская

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
lss85@yandex.ru

**ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУШКИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В РОМАНАХ МАРКА АЛДАНОВА
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ИСТОКИ»)**

Статья посвящена анализу романа М. Алданова «Истоки», который представляет собой художественную рефлексию автора по поводу возникновения революционной ситуации в России. Принципы своей философии истории он прописал в итоговом трактате «Ульмская ночь. Философия случая». Писатель неоднократно отмечал, что во многом опирается на опыт Л. Н. Толстого. Пушкинская же традиция в романе «Истоки» может быть рассмотрена при анализе философии случая, роли случая в историческом процессе.

Ключевые слова: «философия случая», А. С. Пушкин, М. А. Алданов, историософский роман, роль личности в истории, «Истоки».

S. S. Lobinskaya

UshinskyYaroslavl State Pedagogical University
lss85@yandex.ru

**ALEXANDER PUSKIN'S PHILOSOPHIC AND HISTORICAL TRADITION
IN MARK ALDANOV'S NOVELS
(ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL «BEFORE THE DELUGE»)**

The article is devoted to the study of Mark Aldanov's novel «Before the Deluge», the theme of which are the Russian revolution's reasons. He stated the principles of the history philosophy in the final treatise «A Night at Ulm: The Philosophy of Chance». Mark Aldanov would often repeat that his works were based on Leo Tolstoy's experience. Alexander Pushkin's tradition in the novel «The Sources» can be considered in the analysis of philosophy of chance, role of chance in historical process.

Keywords: Philosophy of Chance, Alexander Pushkin, Mikhail Aldanov, historiosophical metanovel, role of individual in history, «Before the Deluge».

Н. Д. Тмарченко выделяет в сюжете любого исторического романа два вида причинно-следственных связей: связи между вымышленными событиями частной жизни человека дополняются причинно-следственными связями между историческими событиями, – что позволяет говорить об авторской интерпретации того или иного реального события. Она может существенно отличаться от историографической, но при этом имеет не меньшее право на существование (12, 88). И речь идет не только о том, что писателю приходится отбирать и концентрировать факты, но и о том, что ему необходимо «встроить» в историческое повествование вымышленных персонажей, а также через систему причинно-следственных связей выразить и собственное представление о событиях прошлого. Причем мастерство исторического романиста определяется не только динамичностью развития интриги и разнообразием средств выразительности, но и проработанностью его историософской концепции. Не случайно среди исторических романистов так много профессиональных историков или людей, серьезно увлекающихся историей.

Наше внимание будет сконцентрировано на том, как реализуется традиция классической историософии в исторических романах XX века на примере романа М. А. Алданова «Истоки». Сам писатель утверждал, что духовным ориентиром в творчестве для него был Л. Н. Толстой. О. Лагашина в диссертации «Марк Алданов и Лев Толстой: к проблеме рецепции» отмечает, что «в своих романах Алданов использовал толстовские художественные приемы, полемизировал или соглашался с его идеями» (9, 146). Французская исследовательница Ж. Тассис пишет, что Алданов «видел, что они были очень близки друг другу и что они искали ответы на одни и те же вопросы» (14, 215). Алданов «был глубоко убежден, что в принципе Толстой

пришел к тем же выводам, что и он, нашел те же ответы на вечные вопросы, которые его мучили: только эти пронизательные ответы, которые не оставляли никаких иллюзий, повергли его в отчаяние, они оказались для него слишком приводящими в уныние, поэтому он всю жизнь пытался найти другие, более оптимистические ответы. Алданов, напротив, постарался упорядочить эти грустные размышления» (14, 215). В диссертации Е. И. Бобко «Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова» отмечается, что «время действия в “Истоках” М. А. Алданова почти совпадает с эпохой, ставшей предметом художественного изображения и нравственно-философского осмысления в романе Л. Н. Толстого “Анна Каренина”» (5, 80).

Но не менее значима для писателя была и пушкинская традиция. В одной неопубликованной статье он разворачивает мысль, высказанную им в разговоре с Г. Адамовичем и И. Бунным о Пушкине и Л. Толстом: «...Пушкин был одним из наиболее жизнерадостных людей, когда-либо посетивших землю» (6, 165). Исследователи уже отмечали значимость традиции пушкинского «Бориса Годунова» при создании погромных сцен в тетралогии (9, 76).

Имя Пушкина неоднократно упоминается на страницах романа «Истоки». Так, главный герой романа Мамонтов, размышляя о своем предназначении, говорит: «Я пигмей, они великаны. Пушкин был больше чем гений, он был сверхчеловеческим явлением и по уму, и по живости, и по простоте, – и тем не менее именно у него не было их профессиональной мании величия» (3, 560). Пушкина неоднократно упоминают в речи и другие персонажи.

В этом произведении автор пытается найти причины русской революции, понять ее историко-философское назначение. В конце своей жизни М. Алданов обобщает свои философские взгляды на историческую действительность и пишет итоговый философско-исторический трактат «Ульмская ночь» (1953). Он написан в форме диалога между двумя интеллектуалами, чьи имена обозначены буквами А. и Л. Это начальные буквы настоящей фамилии писателя и его псевдонима, т.е. в произведении автор спорит сам с собой. В первой же части «Диалога об аксиомах», входящего в «Ульмскую ночь», Алданов рассуждает о проблеме случая в истории. Он высказывает свои мысли словами Декарта: «Самая лучшая хитрость – это не пользоваться хитростью. Общие законы общества ставят себе целью, чтобы люди помогали друг другу, по крайней мере, не делали друг другу зла. Эти законы, как мне кажется, настолько прочно установлены, что тот, кто им следует без притворства и ухищрений, живет гораздо счастливее и спокойнее, чем люди, идущие другими путями. Правда, эти последние иногда достигают успехов, вследствие невежества других людей и по прихоти случая. Но гораздо чаще им это не удается, они себя губят» (4, 167). Таким образом, мыслитель убежден в том, что самое важное для человека – руководствоваться в жизни законами нравственного порядка. Нельзя не согласиться с Алдановым в этом утверждении, но нельзя забывать и тот факт, что людей, которые достигают успеха при вторжении в исторический процесс в результате невежества и по прихоти случая, значительно больше. Такая закономерность регулирует ход движения исторического процесса, особенно это хорошо видно в момент народных волнений.

В исторической повести «Капитанская дочка» А. С. Пушкин тоже размышляет о закономерностях исторического процесса на примере народного восстания под предводительством Емельяна Пугачева. Он показывает, что отдельная личность подчинена объективному закону истории. «Для Пушкина мир и общество не выводятся из представления о личности как субъективном единстве, а, наоборот, личность с ее внутренним миром выводится из конкретных условий исторической действительности» (7, 156). Поэтому произнесенная в «Капитанской дочке» повествователем фраза «...не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!...» (11, 268) дает представление о видении Пушкиным личности в историческом событии, не имеющем ничего общего с закономерностью. «Бессмысленность» и «беспощадность» – важнейшие оценки переломных событий в истории.

По мнению К. Г. Исупова, «Пушкин избегает оценочных интонаций, стараясь занять позицию понимающего наблюдателя, который обладает преимуществом двойной точки зрения: внутренней (синхронной факту) и внешней (с позиции своей эпохи или с позиции будущего). Удвоенная историческая точка зрения усложняется у Пушкина метаисторической: характер живого лица истории может быть понят не только в аспекте частного, но и в аспекте „вечного”» (8, 156). Пушкин строит картину мира, в которой рациональное и иррациональное соотнесены как наблюдаемая причинность и непредсказуемый случай. «„Случай” („мощное, мгновенное орудие Провидения”) не прерывает цепей причин и следствий и не претендует на автономную, отдельно от бытовой реальности героя существующую роковую детерминацию, а входит как законный элемент в каузальную непрерывность частного и общего бытия (9, 157).

Конечно, необходимо учитывать специфику изображения исторического процесса в литературном произведении А. С. Пушкина, которая не предполагает четкого разграничения исторической и художественной линии. «...Пушкин добивается исторической художественной правды на путях синтеза аналитического историзма и эстетической условности. Мир образов Пушкина внутренне сопротивляется признанию его как „условного”: „роман жизни” и „жизнь романа”, лирика бытия и бытие лирики, реальность драмы и драма реальности включены в общие онтологические горизонты, чтобы на перекрестке события и слова о событии утвердиться в единстве исторического смысла, эстетической адекватности и нравственной правоты...» (8, 157).

При сопоставлении философско-исторической концепции М. Алданова и А. С. Пушкина становится очевидным, что общим для обоих писателей является категория «случая» в историческом процессе. Каждый из писателей выбирает период времени, события которого имеют переломный характер. Например, для классика показательным является время гражданской войны (так Пушкин понимает бунт под предводительством Пугачева), а у писателя XX века – это время переворотов и революции. Согласно убеждениям обоих мыслителей, случай определяет не только жизнь персонажей, но и исторические события. Только детерминированность исторических событий в историософской концепции Алданова трактуется иначе, чем у Пушкина.

Так, у Пушкина случайность в историческом процессе дополняется закономерностью. Для писателя действия в произведении происходят в двух измерениях – в частном и историческом. Случайность имеет место в жизни частного лица, а сам исторический процесс регулируется иной силой, которая не подвластна человеку – объективная сила или историческая мудрость. Она расставляет все в истории по своим местам. Поэтому Пушкин строит повествование в форме мемуарных записей Петра Гринева. Такой прием создает не только эффект достоверности очевидца событий пугачевского бунта, но и позволяет автору продемонстрировать историческое время глазами одного и того же человека, только разновозрастного. В начале повествования – это недоросль Петруша, к концу романа – это взрослый человек Петр Гринева, способный адекватно размышлять обо всем происшедшем, что позволяет автору романа приблизиться к объективной оценке исторического события.

У Алданова случай в его концепции не делит действительность на историческое и частное время, он может в равной степени участвовать в обоих пространствах. Детерминированность жизни исторического лица уже имеет определенную закономерность, нет той внешней силы или мировой мудрости, как это было у Пушкина, для регулирования исторической действительности. Например, фигура Александра II в романе для читателя уже является воплощением закономерностей. Обобщенный взгляд на закономерность исторического процесса является при прочтении всех романов.

Алданов в произведении переплетает две сюжетные линии – линии вымышленных персонажей и исторических лиц, которые в равной степени участвуют в сюжетном действии. Вы-

мышленная сюжетная линия представлена жизнью Сергея Николаевича Мамонтова. Герой на протяжении всего повествования занимается поисками собственного «Я». Параллельно этой сюжетной линии вполне самостоятельно существуют линии Чернякова, Лизы Муравьевой, Софьи Дюммлер и других вымышленных персонажей. В противовес создаются исторические сюжетные линии Александра II, Бисмарка, Бакунина, Лорис-Меликова и многих других. При создании исторически весомой фигуры императора Александра II, автор старается передать мысли и чувства императора в трудное для правителя время реформ.

Стоит обратить внимание на тот факт, что вымышленные персонажи в романе не представлены в качестве «единого фронта», в отличие от лиц исторических. Герои разных сюжетных линий могут даже не знать друг друга. Например, Катя не знакома со всем семейством Муравьевых или цирковое общество ни разу не пересекутся с семьей Дюммлер и т. д. На фоне этой разрозненности историческое сообщество выступает как хорошо сложенный фон. Так, в романе четко прописаны родственные отношения Александра II и Вильгельма, императора Германии, отношение их к канцлеру Бисмарку, взаимоотношения Лорис-Меликова с императорским Двором, а также отношения русского императора к министру-реформатору. И таких примеров мы можем найти практически повсеместно по отношению к любой исторической личности. Алданов создает мир исторических персон как людей, знающих каждого представителя этого мира, они либо общаются (например, диалог Александра II и Бисмарка об объявлении Германии войны Франции), либо автор не моделирует диалог, а обязательно передает мнение исторической личности о другой личности этого общества косвенным способом. Таким образом, читатель получает биографическую справку о каждом историческом лице и может сконцентрировать свое внимание уже на увлекательных событиях и на анализе характеров героев.

Таким образом, стоит отметить, что для Алданова важно показать историческое лицо как частное. Поэтому писатель подробно прописывает как внешний портрет, например, царя, так и психологический, в отличие от Пушкина, который, создавая портрет Емельяна Пугачева или императрицы Екатерины II, руководствуется схематичным принципом, не прорисовывая черты характера, детали портрета.

При одинаковом подходе в выборе изображаемых исторических событий писателями-мыслителями, различия мы находим в смысловом наполнении изображения этих событий. Как было сказано, выбирая время переломных событий, Алданов и Пушкин демонстрируют разное отношение к этим событиям. В то время как Пушкин не принимает народный бунт вообще, убеждая в его бессмысленности и беспощадности, Алданов допускает существование волнений в обществе, но результат этих волнений не устраивает мыслителя. Несмотря даже на допустимость кровопролитных волнений в истории, Алданов так же, как и Пушкин, отказывается от натурализма при их описании, от демонстрации жестокостей, которая поражала сама по себе. Авторы сосредотачиваются на рефлексии следствий исторических событий.

Таким образом, проведя анализ концепций изображения истории в произведениях М. А. Алданова и А. С. Пушкина, мы можем утверждать то, что писатель XX века сохраняет преемственность по отношению к писателю-классику. Безусловно, отбор событий, принцип изображения действительности и реально существующих ранее персонажей наряду с персонажами вымышленными во многом у обоих мыслителей совпадают. Оригинальность же М. А. Алданова заключается в переосмыслении действия случайностей и закономерностей исторического процесса.

Литература

1. Агеносов В. В. Литература русского зарубежья (1918–1996). М., 1998.
2. Адамович Г. Мои встречи с Алдановым // Дальние берега: Портреты писателей эмиграции. М., 1994.

3. Алданов М. А. Избранные произведения: в 2 т. М., 1991.
4. Алданов М. А. Ульмская ночь: Философия случая // Алданов М. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т.6. М., 1996.
5. Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Саратов, 2008.
6. Вековой заряд духовности: Две неопубликованные статьи о русской литературе // Октябрь. 1996. № 12.
7. Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957.
8. Исупов К. Г. Пушкин и Чаадаев: диалог о свободе воли и эстетике истории // Проблемы современного пушкиноведения. Псков, 1991.
9. Лагашина О. Марк Алданов и Лев Толстой: к проблеме рецепции: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. Таллин, 2009.
10. Макрушина И. В. Романы М. Алданова: Философия истории и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2001.
11. Пушкин А. С. Капитанская дочка. М., 1984.
12. Тамарченко Н. Д. Историческое время // Поэтика: слов, актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2008.
13. Чернышев А. Алданов в Америке // Новый Журнал. 2006. № 244 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2006/244/ch12.html>.
14. Tassis G. L'Œuvre romanesque de Mark Aldanov. Révolution, histoire, hazard // *Slavica Helvetica*. Bern. Vol. 48.

УДК 821.161.1.09"19"

Н. Г. Морозов

Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
kaf_ofg@ksu.edu.ru

МОТИВ АПОКРИФА В РАССКАЗЕ Б. К. ЗАЙЦЕВА «РЕКА ВРЕМЁН»

В статье рассматривается, как осваивается мотив апокрифа в рассказе Б. К. Зайцева «Река времён» (1964). Доказывается, что в произведении Зайцева фрагмент соблазна двух иноков создан вне четких традиций средневековой литературы – византийской и древнерусской. Показывается, что в рассказе Зайцева, как и в сюжете апокрифов, попытка дьявола ввести христианского отшельника в соблазн и погубить его не удалась. Делается вывод о том, что «Река времён» Б. К. Зайцева становится творческим завещанием писателя своим соотечественникам.

Ключевые слова: апокриф, рассказ, христианство, вечность, сюжет, Зайцев, Державин, Пушкин.

N. G. Morozov

Nekrasov Kostroma State University
kaf_ofg@ksu.edu.ru

MOTIF OF AN APOCRYPHAL STORY IN BORIS ZAYTSEV'S STORY «THE RIVER OF TIMES»

The article discusses how to master the motif of the Apocrypha in the story by Boris Zaytsev «The River of Time» (1964). It is proved that in the work by Boris Zaytsev, a fragment of temptation of two monks is created out of a clear tradition of medieval literature, both Byzantine and Old Rus'. It is shown that in Boris Zaytsev's story, just as in the Apocrypha, there is an attempt of the devil to enter the Christian hermit, in the temptation to destroy him, and its failure. The author concludes that «The River of Time» by Boris Zaytsev becomes the creative will of the writer to his lost compatriots.

Keywords: apocryphal story, story, Christianity, eternity, plot, Boris Zaytsev, Gavrila Derzhavin, Alexander Pushkin.

Рассказ Б. К. Зайцева «Река времён» впервые был напечатан в Париже, в «Новом журнале», в номере 78 за 1965 год. Е. Воропаева отметила весьма положительную реакцию литературно-критической общественности русского Парижа: «Критика расценивала “Реку времён” как лучший поздний рассказ Зайцева, написанный на тему “В животе и смерти Бог волен” (Шиляева А. Борис Зайцев. Река времен. – Новый журнал. 1969. № 95, с. 281.)» (2, 570).

Художественную и содержательную глубину этого произведения отметил А. М. Любоумров: «<...> Столь же оригинальный авторский опыт в жанре рассказа, где героями также являются иноки. Закономерно, что *последним* (выделено А. М. Любоумровым. – Н. М.)